

По конфискатъ макладъ другій.

Г. С. Малець

ПОТУГИ РОЗЪЕДИНЕНІЯ И ОСЛАБЛЕНІЯ РУССКОГО НАРОДА.

ЛЬВОВЪ 1924 г.

ИЗДАНИЕМЪ АВТОРА.

Типографія Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

*Посвящаю
дорогой памяти
за русское имя умученныхъ
въ 1914 — 1918 гг.*

Г. Малецъ.

Львовъ, 31 Июля 1924 г.

ПОТУГИ РОЗЪЕДИНЕНІЯ И ОСЛАБЛЕНІЯ РУССКОГО НАРОДА.

І. Особенности живыхъ и мертвыхъ языковъ.

Языкъ, або мова, котрымъ говоритъ якій то народъ, называемо живымъ языкомъ, або живою мовою. Языки - же старыхъ народовъ, котрыи вымерли, або змѣшались зъ другими народами и зъ часомъ покинули, забули свои якыки, а тѣлько остались на нихъ давнѣйше написаны книжки, — называемо мертвыми языками. До такихъ мертвыхъ языковъ, або мовъ належатъ: языкъ латинскій, греческій, еврейскій и друг.

Жиды. чистыи потомки евреевъ зъ часовъ Авраама, Мойсея, хотя и живутъ, но они розпоршеніи теперъ по всѣмъ свѣтѣ, говорятъ на чужихъ и змѣшавыхъ мовахъ, а тѣлько библию читаютъ на старомъ еврейскомъ языкѣ, котрого неученыи жиды уже не розумѣютъ, а въ домашномъ житью на нѣмъ никто теперъ не говоритъ. И длятого то и еврейскій (старый жидовскій) языкъ называеся уже мертвымъ.

Мертвыи языки уже не розвиваются, не мѣняютъ своихъ формъ, а всегда остаются такими, якъ ними говорили старыи народы и якъ оставили, написаны ими тогда книжки.

Живая-же мова каждого народа помало, но постоянно мѣняется. Наша русска мова яко живая мѣняется тоже. Мѣняется в ней способъ выговора отдѣльныхъ слѣвъ, на прим. въ однихъ мѣсяцяхъ у насъ говорятъ теля, а въ другихъ телье, або тылье; старыи слова замѣняются новыми, напр. старыи слова : днесъ — нынѣ, замѣняются словомъ сегодня, а где куда словомъ дзѣсь (взятымъ зъ польского). Зъ часомъ, зъ умственнымъ развитьемъ народа, зъ ростомъ его просвѣщенія и знаній, творятся новыи слова, або также число слѣвъ, для означенья якогось предмета, або понятія, значно побольшаеся, особенно, если взяти пѣдъ увагу бѣльшу просторонь (край), яку занимае якій-то нарѣдъ. Такъ въ однихъ мѣсяцяхъ у насъ говорятъ : скоть, въ другихъ — худоба, а гуцулы говорятъ : маржена, а еще гдекуды говорятъ — добытокъ. Або другій примѣръ : бульбы, картофлѣ, брамборы, бараболѣ, крамплѣ, грушѣ; все то слова для означенья одного и того самого предмета, но уживаемыи въ рѣжныхъ мѣсцевостяхъ.

На перемѣну мовы, выговора, на творенье новыхъ слѣвъ, мае сильвый впливъ также сосѣдство зъ другими народами, а также природа и климатъ краю, въ якѣмъ живе данный нарѣдъ.

Якъ великѣй впливъ на перемѣну мовы мае сосѣдство другихъ народѣвъ, видимо найлучше на нашихъ лемкахъ, котрыи переняли отъ полякѣвъ не тѣлько много слѣвъ, но и весь выговоръ (голосудареніе). Найчистѣйше за то заховалась русска мова у гуцулѣвъ, котрыи, живучи въ неприступныхъ горахъ и лѣсахъ где у нихъ не було панскихъ (чужихъ) дворѣвъ, отже они не чули чужои мовы, не пѣддавались ей впливу и заховали чистоту своеи мовы.

Чимъ ббольшій народъ, чимъ ббольшій край, котрый вбонъ занимае, тимъ ббольше бувае рбжныхъ причинъ, котрыи вызывають рбжныи перембны мовы въ рбжныхъ мбсцяхъ. Такимъ способомъ вытворюются зъ часомъ осббныи простонародныи говоры (нарбчія, дїялекты), котрыи межи собою иногда сильно рбжняются, а то и мало понятныи бувають. Такъ на примбръ нбмцб мають много простонародныхъ говорбвъ. Инакше говорить вбденчикъ, а инакше берлїнчикъ, а еще инакше тирольчикъ, або швайцарець. Тирольця зъ деякихъ мбсцевостей майже не зрозумбє вбденчикъ, або берлїнчикъ. Таксамо мають рбжныи отмбнныи говоры французы, итальянцб и другїи ббольшїи народы. Но у всбхъ тихъ народбвъ есть тблько одинъ книжный и школьный языкъ, на котрбмъ всб племена учатся и понимаютъ его.

Всб рбжнородныи простонародныи говоры одного и того самого народа суть близко спорбдненныи межи собою, походять они отъ одного кореня и считаются якбы членами одного и того самого культурного, книжного языка, або мовы. Такїи одинъ книжный языкъ дае велику культурну силу своему народу въ его цблости и его племенамъ въ отдбльности.

Если на прим. нбмецб напише на своемъ книжнбмъ языкб якусь учену, полезну книжку, то зъ ней могутъ корыстати всб 80 милїонбвъ нбмцбвъ, якїи живутъ на свбтб. Но если — бы у нихъ кожде племя хотбло писати тблько на своемъ говорб, а общого книжного языка у нихъ не булобъ, или они его не учились — бы, то зъ написаного на одномъ якбмсь говорб, не могли — бы корыстати другїи племена. Написаная же на та-

къмъ говорѣ книжка не могла-бы широко розходитись, а може, и не було-бы выгоды ей писати и печатати.

Найтруднѣйше и найдорожше обходиться написати книжку и набирати (зложити) ей для друку, а коли то зроблено, то машинѣ вже не велика рѣжниця, чи печатати ей кѣлька примѣрникѣвъ, чи кѣлканайцять тысячъ. Чимъ бѣльше штукъ печатаеся, тимъ дешевше выходить кожда штука. А дешевша книжка доступнѣйша для покупки и небогатымъ людямъ; она ширше розходится, бѣльше людей читае ей и она приносить бѣльшу корысть, — т. е. наука (знаніе) и просвѣщеніе скорше и ширше розпространяюся и поглубляюся.

2. Единство русского народа. Природна и исторична необходимѣсть того.

Русскій нарѣдъ, за бѣльше якъ тысячу лѣтъ своей исторіи, сильно розмножився и розширився. Вѣнъ теперъ одинъ изъ наибольшихъ народѣвъ на свѣтѣ и розширився на одной шестѣй части землѣ. Колись, въ далеку старину, бувъ вѣнъ еще малый и занимавъ не велику просторонь. Живъ разомъ и тогда говоривъ вѣнъ еще одинаковою мовою. Но зъ часомъ розмножаючись, розширявся русскій нарѣдъ, занимавъ щоразъ то новыи землѣ (краи) встрѣчався тамъ зъ рѣжними другими народами, котрыи по бѣльшой части зживалась зъ русскимъ народомъ и принимали постепенно его мову, его звычай и обычай, — значить, ставались русскими. Но и русскій нарѣдъ принимавъ тоже отъ чужихъ народѣвъ много нового; принимавъ зъ чужои мовы, або творивъ пѣдъ ей вплы-

вомъ, новыи слова, а заразомъ перемѣнявся такожь и его выговоръ.

И такъ зъ часами вытворились середъ русско-го народа три головныи племена, зѣ своими немного рѣжнячимися говорами (нарѣчїями). Суть — то именно: малоруссы, (южно-руссы, або южане), до котрыхъ причисляемось и мы червоноруссы (галичане, холмчане, волынчане, буковинцѣ, подоляне, лемки и угроруссы) и народъ живущїй на Украинѣ, Кубани и въ другихъ земляхъ съ головными мѣстами Кїевъ, Полтава, Черниговъ, Харьковъ, Екактѣринодаръ и друг. (въ теперѣшнѣй Закарпатской Руси, що при Чехїи.) Друге и наибѣльше русске племя, то великоруссы (сѣвероруссы, сѣверяне). Оно розсѣлось головно на пѣвночи зъ мѣстами якъ: Новгородъ, Москва, Петроградъ, Архангельскъ и майже вся Сибирь по Владивостокъ. Трете и наименьше племя, то бѣлоруссы, зъ мѣстами Мїнскъ, Вїтебскъ, Гродно и друг.

Вся просторонь землї, яку занимае весь русскїй нарѣдъ отъ Карпатъ и Балтїйского моря до Тихого Океана и отъ Чорного до Ледоватого моря, представляе майже совершенну рѣвнину, перерѣзану тѣлько многими великими и мѣньшими рѣкками и озерами. Такъ отже межи всѣми землями, якїи отъ вѣкѣвъ занимають русскїи племена, не було нїякихъ непроходимыхъ перешкодъ, якъ высокїи горы або моря, а противно многїи великїи рѣки, розходячися въ рѣжныи стороны, лучили тїи землї, якбы въ одну цѣлость и давали возмѣжнѣсть русскимъ племенамъ, хотя — бы и зъ противоположныхъ, далекихъ сторѣвъ, постоянно сообщатися, вести межи собою торговлю, занимати разомъ еще другїи землї и заселяти ихъ, а тимъ самымъ и оборонятись разомъ отъ рѣжныхъ со-

сѣднихъ ворогѣвъ, котрыхъ всегда манили до себе широкіи и богатѣйшіи русскіи землі.

Тая рѣвниннѣсть русскихъ земель, недостатокъ межи ними непроходимыхъ границъ, а зъ другой стороны соединяющіи ихъ рѣки, а также и общіи небезпечныи вороги, були головными причинами, що всѣ русскіи землі и заселяющіи ихъ русскіи племена всегда стремѣли до одной цѣлости, якъ въ государственнѣмъ, такъ экономичнѣмъ и культурнѣмъ отношеню. Отдѣльныи малыи, самостійныи русскіи государства (княжества) николи не могли довго удержатися, а легко пѣдпадали пѣдъ чужую власть, якъ татарѣвъ, туркѣвъ, литовцѣвъ и полякѣвъ. Навѣтъ за часѣвъ Богдана Хмѣльницкого, котрый освободивъ всю тогдашню Украину зъ пѣдъ власти польскои и татарскои, а козаки составляли тогды велике и сильне войско, то все-же, Хмѣльницкій и весь козачій нарѣдъ видѣли, що Малороссія (Украина) не зможе довго удержатися яко самостійне государство и рѣшили всенародно, на собранію въ Переяславлю (въ 1654 г.), присоединитись до Московского Царства, котре тогды уже объединило около себе бѣольшу часть русскихъ земель.

Но и теперъ маемо передъ очима живый и свѣжій еще примѣръ. Коли въ часѣ великой русской революціи Россія розпалась и начали всюды, якъ грибы по дощи, творитись самостійныи республики, то „украинскіи самостійники“ пѣдъ вліяніемъ Австріи и Германіи, выступили першіи за совершеннымъ отдѣленьемъ отъ Россіи и за утвореньемъ самостійной украинской республики. И казалось, що теперъ уже духовныи наслѣдники Мазепы осягнуть свою цѣль. Мали—бо весь край

въ своей власти, мали „зукраинизоване“ войско, мали сильныхъ пріятелѣвъ и помощникѣвъ — Германію и Австрію.

И що же получилось?

Послѣ рѣжныхъ пробъ и великихъ жертвъ кровію и майномъ, Украина скоро переконалась, що яко самостійна держава существовати не може и знову теперь, якъ до войны и за часѣвъ Хмѣльницкого, творить она зъ остальными русскими землями, якіи пѣдъ Россією, одну цѣлость, хотя зъ широкою автономією.

Противъ природы, противъ исторіи и противъ экономичныхъ требованій — ити невозможно!

Наші же заблудшіи братья, галицкіи самостійники, зъ самого початку войны составляли добровольныи сѣчовыи отряды и помагали врагамъ русского народа — нѣмцамъ воювати противъ Россіи. И що же тутъ получилось?

За свое заслѣпленье, за преступныи поступки, за свои грѣхи несутъ они теперь тяжке, но заслужене наказанье. Но бѣда въ томъ, що зъ ними и за ихъ грѣхи страдае и терпитъ вся наша земля, -- весь народъ, винныи и невинныи. Теперь многіи зъ нихъ сами то видягъ и розумѣють, що зле робили и каются. Но сдѣлане зло не такъ легко и не такъ скоро дасться поправити.

Если отже исторія и неумолима дѣйствительнѣсть указуютъ русскимъ землямъ и всѣмъ русскимъ племенамъ стремитися до едности на всѣхъ поляхъ народнаго житья, то такая едность на культурномъ поли, на поли школы и просвѣщенія, бѣльше всего необходима. Бо такая культурная едность дае велику силу всему народу, а тимъ самымъ и каждому его племени.

Культурне единство, т. е. школа, книжный языкъ, и церковь суть цементомъ, котрый нерозлучно связуе всѣ отдѣльные племена якогось народа въ одну цѣлѣсть, що всѣмъ имъ дае велику силу и выгоду. Если они навѣтъ, по неволи, не объединеніи въ одной державѣ, то и тогда чувствуютъ они себе однимъ народомъ, користають зъ общей своей культурной работы и легче дышеса и тимъ, котрыи нашлись въ чужой, не своей національной державѣ — Знаемо, що чѣмъ бѣльша и богатша рѣдня, а при томъ и дружна, тимъ бѣльше мае она значеня и поваги въ своемъ окрузѣ, тимъ легче отдѣльные еи члены, попавши случайно въ несчастье, могутъ раховати на помѣчь своей рѣднй и — получаютъ еи. Такъ оно маеса и зъ цѣлыми народами.

Русскій нарѣдъ, несмотрячи на свои племенные рѣжницѣ, всегда бувъ и уважавъ себе яко одна нація (народнѣсть), яко одна цѣлѣсть. Хотя зъ самого початку своей исторіи рѣжнны его племена, по своей мѣсцевости яку занимали, розлично назывались, якъ на прим. кривичі, дулибы, поляне, сѣверяне и другіи, то все-же всѣ они считали себе русскими и, на внѣ, противъ другихъ народѣвъ, ныступали разомъ яко русскій нарѣдъ.

Русска державнѣсть зародилась на Днѣпрѣ и у Карпатъ, а пѣзнѣйше перейшла на пѣвнѣчь въ Суздаль и Москву. Ученыи малоруссы зъ Кіевской, Галицкой и Угорской Руси ходили на пѣвнѣчь до своихъ братьей великоруссѣвъ и ширили тамъ науку и просвѣщеніе, а пѣзнѣйше, коли полуднева Русь була розорена врагами и пѣдпала въ неволю, то московска (пѣвнѣчна) Русь подавала еи помѣчь. Великорусь, уроженѣць Мос-

квы, Иванъ Федоровъ, первый русскій друкаръ (печатникъ, типографъ), прійшовши до Львова, напечатавъ тутъ при Ставропигійскѣмъ Братствѣ первую русску книжку и провадивъ дальше тутъ печатне дѣло.

И такъ оно вѣками водилось по всей русской землѣ; никто не знавъ ніякой рѣжницѣ, всѣ считали себе русскими, всѣ були одной православной вѣры и уживали одного книжного языка, на якѣмъ и въ школахъ учились.

Такъ отже національна еднѣсть, давала русскому народу велику силу, котра выводила его зъ найтяжшихъ положеній, котра освободила его зъ татарской и зъ другой неволі и давала ему можнѣсть создати одну зъ наибѣльшихъ державъ на свѣтѣ, выобразовати прекрасный, пребогатый книжный языкъ и создати богатую и высоко стоящую русскую письменнѣсть (литературу). Въ послѣднѣмъ столѣтію русска литература стала міровою, т. е. нею заинтересовався весь свѣтъ, а русскіи ученые добули собѣ признанье и славу межи всѣми другими высокопросвѣщенными народами.

Въ выобразованю русского литературного (книжного) языка, въ созданію всей русской культуры принимали участіе всѣ русскіи племена: малоруссы, великоруссы и бѣлоруссы. Що до книжного языка, то можна сказати, що малоруссы положили для него основу, а великоруссы надали ему свѣй выговоръ. И длятого невѣрно и смѣшно, если намъ кто-то говоритъ, що той языкъ не есть нашъ (малоруссѣвъ), що то московскій, або російскій языкъ. Нѣтъ, то не вѣрно! Вѣнъ есть обще-русскій литературный языкъ, такъ московскій, якъ кіевскій и львѣвскій.

Но всякій литературный языкъ у каждого народа рѣжнётся бѣльше, або меньше отъ просто-народныхъ говорѣвъ. Такъ нѣ одно нѣмецке племя не говоритъ у себе дома литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ, но всѣ его знаютъ, бо обучаются въ школѣ и всѣ книжки и газеты пишутся на немъ, щобы кождый нѣмецъ, до якого племени вѣнъ не належав-бы, мѣгъ ихъ розумѣти.

Польскіи мазуры также не говорятъ у себе на польскѣмъ книжнѣмъ языкѣ, но они его знаютъ, бо на немъ учатъ ихъ въ школахъ.

И дпятого нѣчего дивного, що и нашъ общерусскій литературный языкъ рѣжнётся отъ простонародныхъ говорѣвъ и то не тѣлько отъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но и отъ великорусскихъ. Однако рѣжницѣ тѣи не такъ великіи; они, по бѣльшѣй части, бувають меньшіи, якъ у другихъ народѣвъ.

Головныи рѣжницѣ бувають звычайно въ самѣмъ выговорѣ. Если зрѣвнювати малорусскіи выговоры зъ великорусскими, то увидимо рѣжницѣ въ выговорюваню головно трехъ буквъ. И такъ: букву *ъ* малоруссы выговорюють якъ фонетичне *ї* (*йі*), а великоруссы мягко, якъ фонетичне *е* (*йе*); на прим. *ъзда*, малоруссы читають *їзда*, а великоруссы *езда*; або слово *рѣпа*, читають однѣ *рѣпа*, а другіи *репа*. Букву *и* малоруссы выговорюють мягко якъ *і* тѣлько на початку слѣвъ и по самогласныхъ буквахъ *а, е, о, и, у, ы, ѣ*, на прим. въ словахъ *Иванъ* — *Іванъ*, або *рои* — *роі*, а впрочемъ по согласныхъ буквахъ выговорюють всегда грубо якъ: *ы*. на прим. *нива* — *ныва*, книжка — *кныжка*. Великоруссы-же выговорюють *и* всегда мягко якъ *і*, на прим. *Іванъ*, *ніва*, *кніжка*. Нако-

нець третья буква *e* выговорюея всегда великоруссами мягко якъ *e* (йе), а малоруссами тѣлько на початку слѣвъ и по самогласныхъ буквахъ, на прим. *есть*, *граеть* (читай *есть*, *граеть*). Впрочемъ малоруссы выговорюють *e* твердо, якъ фонетичне *e* (русске літературне *э*), напр. *небо* — *нэбо*, *зеленѣеть* — *зелэніеть*, а великороссы выговорююе *зеленееть*.

Великоруссы отже выговорюють обѣ буквы *ь* и *e*, якъ фонетичне *в* (jе), но *ь* бѣльше мягко якъ *e*. Но хотя обѣ тѣи буквы выговорюются майже однаково, то всеже неможна заступити ихъ одною изъ нихъ. Такъ на примѣръ слова *колѣно* и *колѣно* хотя и вымвляється однаково *колѣно*, то всеже на письмѣ зразу видно, що одно походить отъ слова *колѣно*, а друге отъ *колоти*. Еслиже тѣи слова написати фонетично, то есть буквою *e* (*колѣно*), то уже не можна зразу знати, що котре слово означае, и тѣлько по дальшому смыслу можно буде догадатись.

Слово *хлѣбъ*, написане черезъ *ь*, понятне зразу всѣмъ русскимъ племенамъ, если-же его написати великорусскою фонетикою черезъ *e* (*хлѣбъ*), то оно уже малопонятне, особенно для малорусса, бо вѣнъ читае *e* твердо: *хлэбъ*.

Въ гдеякихъ случаяхъ малоруссы любятъ мягчити букви *o* и *e*, а именно выговорюють ихъ якъ *i*, на прим. въ словахъ *конь* — *кiнь*, *котъ* — *кiтъ*, *медъ* — *мiдъ*. Щобы отмѣтити той спосѣбъ выговора, мы даемо въ тихъ случаяхъ надъ тими буквами значокъ *л*, пишучи: *кѣнь*, *кѣтъ*, *мѣдъ*; а пишемо такъ длятого, щобы выразно видно було, що означае тое слово и отъ чого оно походить, якій его корень. Бо если, на прим. написати *кiнь*, *кiтъ*, то еще не знати, що означають

тїи слова, бо *кїнь* може означати коня, и *кїнь* отъ слова кинути. Таксамо слово *кїтъ*, може означати кота и кита, котримъ замазуеся шибы до вѣконъ.

Въ корени своемъ слова тїи мають *о* и *е*, бо буквы тїи остаются въ дальшій отмѣнѣ тихъ слѣвъ, бо говоримо коня, конї, кота, коты, меду, меды, а не кїня, кїта, мїду, мїды; слова-же кїта, мїды, означали-бы тогда зовсѣмъ що-то другое.

Великоруссы, хотя и не всюды, любятъ букву *о*, въ словахъ передъ акцентомъ вымавлияти якъ *а*, на прим. голова, человѣкъ, они выговорюють *галава*, *челавѣкъ*; но пѣдъ акцентомъ и по акцентѣ *о* выговорюють только якъ *о*, на прим. корѣбочка, — карѣбочка и т. д.

Но тутъ необходимо выразно зазначити, що и въ нѣкотрыхъ великорусскихъ говорахъ, особливо въ пѣвнчныхъ губерніяхъ, значится отрѣзанныхъ отъ малорусскихъ, буква *о* всюда выговорюеся якъ *о* (окающїи говоры), а также буква *ѣ* вымовляеся якъ *ї*, подобно якъ *у* малоруссѣвъ пѣсня — пїсня, мѣсяць — мїсяць).

Зато малоруссы, но тоже не всюды, не любятъ чисто выговорювати твердыхъ буквъ *а*, *о*, *у* на початку слѣвъ, а додають до нихъ согласныи буквы *г*, *в*, при чѣмъ *о* еще иногда змягчаютъ на *ї*. Такъ на прим. Анна, арбузь, улица, ухо, Олена, ось, отъ — выговорюють они якъ Ганна, гарбузь, вулица, вухо, Волена, вѣсь (вїсь) вѣтъ.

По литературному повинно-бы писатися и читати: ходилъ, рубалъ, говорилъ, но малоруссы въ своихъ говорахъ по бѣльшой части выговорюють: ходивъ, рубавъ, говоривъ. Но правильно повинно писатися тѣлько: ходилъ, рубалъ говорилъ,

бо дальше въ другихъ особахъ говориться : ходила, ходили, а не ходива, ходиви.

Но всѣ тѣи змѣны въ выговорахъ не мають особого значеня, не змѣняютъ смысла слова и не затрудняютъ его пониманя. Сотнѣи тысячъ нашихъ галицкихъ бѣженцѣвъ и военно-плѣнныхъ, сходившихъ и зѣздившихъ всю Россію, всюда безъ особенныхъ трудностей обходились своею галицкою мовою, и ихъ всюда понимали и они скоро все перенимали. Та и всякій зѣ насъ, на мѣсци въ краю, мавъ можнѣсть за вѣйну стыкатись зѣ російскими солдатами зѣ всѣхъ сторѣнъ Россіи. Зѣ всѣми ними мы легко порозумѣвались.

Нѣчого впрочемъ и дивного, що одно, або друге слово намъ було не знане, або малопонятне, що отмѣняный выговоръ затрудняе намъ зразу поняти все, — бо нема на свѣтѣ такого народа, котрый бы на простонароднѣи мовѣ всюда однаково говоривъ. Та и у насъ въ нашей невеликой Галичинѣ, не однаково люди говорятъ; инакше говорятъ лемки, инакше бойки и гуцулы, а еще инакше подоляки. Но и въ однѣмъ и тѣмъ же повѣтѣ, а навѣтъ въ сосѣднихъ селахъ вже замѣчаются рѣжницѣ въ мовѣ и мають они свой особныи слова.

А що же доперва говорити о всей русскѣи земли, о всѣхъ русскихъ племенахъ, занимающихъ одну шесту часть свѣта?!

Видимо отже, що въ літературнѣмъ русскѣмъ язицѣ, котрый вѣками создавали (выробляли) всѣ русскіи племена, а мы малоруссы въ первую очередь, слова пишуться такъ, якъ указуе ихъ походженье, ихъ корень (по гречески этимологія) и тогда тѣи слова зразу зрозумѣли и зрозумѣ-

ли для всѣхъ русскихъ племенъ, хотя бы где-якіи слова у нихъ, въ простонародной мовѣ, и иначе выговаривались.

Такой этимологический способъ писанья, дае-едность литературному языку, дае ему велику культуру силу, котра и поднесла вже русской книжный языкъ и русску литературу на най-высшей степень. Поставила его на ровнѣ зъ язы-ками найпросвѣщеннейшихъ народѣвъ.

Но ничего не мѣшае, а навѣтъ потрѣбне-есть, щобы попри единый общій литературный языкъ, языкъ школы и науки, писались тоже книжки и на мѣсцевыхъ простонародныхъ гово-рахъ данного народа. Народна поезія, народни пѣсни, вообще простонародне духове творчество, може и повинно записоватися тѣлько на мѣсце-выхъ говорахъ. Они бо являются живимъ, всегда-бующимъ источникомъ (жереломъ) для обогащенія и украшения общого имъ всѣмъ литературного-языка.

Такъ и водилось оно у насъ до послѣднего-столѣтія. Всѣ русскіи племена отъ Карпатъ до-Урала и дальше, считали себе одною родиною, однимъ народомъ, а русской литературный языкъ считали своимъ общимъ книжнымъ, школьнымъ, научнымъ языкомъ. Но притомъ писалось много и на мѣсцевыхъ русскихъ говорахъ: галицкомъ, лемковскомъ, угро русскомъ, буковинскомъ, укра-инскомъ, бѣлорусскомъ и на великорусскихъ го-ворахъ.

Но въ дуже тяжкомъ положенію нашлись мы русины, остававшіися столѣтіями подъ Поль-щею и подпавшіи въ XVIII столѣтію, при роздѣлѣ Польши, подъ Австрію. Народъ оставався дальше въ панской неволѣ-паньщинѣ, совершенно темный,

безъ всякихъ школъ, кромѣ где-негде дякѣвокъ, а также и безъ своей сознательной интеллигенціи, бо и бѣльшинство нашего духовенства, выхovanого въ польскихъ школахъ и въ польскѣмъ душѣ, относилось байдужно до русскаго темнаго народа.

Народъ и немногочисленна его интеллигенція оставались дальше совершенно отрѣзаннѣ отъ всего русскаго міра, не мали русской школы, не видѣли русской книжки. Но все-же сознание русскости въ народнѣй массѣ не замирало, а тлѣвъ въ нѣмъ всегда скрыто русскій духъ, сознание родства и единства зѣ всѣмъ великимъ русскимъ народомъ. И коли въ 1848 году, разомъ зъ другими народами Австріи, вышовъ на свободу зъ тяжкой панской неволнѣ и нашъ галицкій русскій народъ, то вѣнъ тѣлько такимъ именно русскимъ себе и заявилъ. Начали печататись русскіи книжки и часописи; зъ часомъ постепенно начали по русски учить въ школахъ не тѣлько въ низшихъ и но и на лѣвѣвскѣмъ университетѣ; въ Вѣднѣ була открыта русск. семинарія для нашихъ богословѣвъ, зъ котрой вышли многіи значѣйшіи наши священники — народныи проводники.

Но не легко було въ тѣи часы начинати у насъ писати и учить по русски, закладати русскіи школы.

бо и все, що еще учились, учились тѣлько въ польскихъ школахъ, дышало польскимъ духомъ и признавало себе поляками, хотяй еще и русскаго, восточнаго обряда.

Не тѣлько, що нигде не було ніякихъ шкѣлъ, що никто не писавъ тутъ русскихъ книжокъ, но все было отрѣзано отъ остальной восточной Руси и оттуда не могли приходить, печатавшіися тамъ, русскіи книжки, где зъ XVIII вѣка начала вже буйно розвиватись русска література.

И такъ у насъ, послѣ 1848 года, коли дана була свобода, кромѣ може кѣлькохъ ученыхъ, никто не знавъ тогдашняго русскаго книжнаго языка. И ддятого нашіи предводители и начавшіи появлятись за симъ молодыи писатели начали писати на мѣсцевой простонародной мовѣ, бо и сами літературнаго русскаго языка не знали докладно; та и необходимо було писати до народа зовсѣмъ зрозумѣло, доступно, чтобы приговорити до него, будити его и загрѣвати до новаго, достойнаго, людскаго життя.

Нашъ народъ, хотя и забитый-темный, всегда сознавалъ себе тѣлько русскимъ, таивъ въ собѣ русскаго духа, и знавъ, бо тое говорила ему его русская кровь, що тамъ гдесъ за границями на востокъ есть велика его рѣдня, великій, сильный и славный русскій народъ. Того самого духа були и першіи его предводители, будители и писатели. Пишучи до него и для него на его рѣдной мѣсцевой мовѣ, они все-же не хотѣли зривати зъ книжнымъ русскимъ языкомъ, який розвинувся вже на остальной Руси; не желаючи именно затирати (затрачувати) кореня, походженя, отдѣльныхъ слѣвъ и не отдаляти тимъ отъ себе книжный русскій языкъ, но приближати и робити его легко попятнымъ и тимъ открывати собѣ и своему народу доступъ до богатой уже русскаго письмен-

ности, — они начали писати этимологією, т. е. историчнымъ способомъ писанья. Но щобы все таки отмѣчати и способы мѣсцевого нашего выговора, а головно буквѣ *о, е, и*, то зѣ часомъ начали давати надъ ними значокъ [^], що означало що тѣи буквы въ томъ разѣ треба мягко вымавлияти якъ *і*. Такъ, до 1892 года, писались у насъ книжки и газеты и навѣтъ австрійскій Вѣстникъ державныхъ законѣвъ; такъ учили всюда въ школахъ, такъ издавали свой книжочки для народа нашѣи галицкіи просвѣтительныи общества: Галицко-русска Матиця, Общество им. М. Качковскаго, а также „Просвѣта“ и др.

Но національне и культурне единство русскаго народа и походяча отъ того его сила, не були выгоднѣи его близкимъ и дальшимъ сосѣдамъ и такъ начались старанья нашихъ недругѣвъ и ворогѣвъ збити насъ зѣ правой дороги и ввести межи нами розладъ и роздоръ.

3 Громадныи просторы и богатсва русскихъ земель манятъ до себе чужіи народы. Ихъ потуги розъединити и ослабити русскій народъ.

Зѣ давнихъ уже часѣвъ просторыи, богатыи, малонаселенныи еще тогда рускіи землі всегда манили и притягали до себе рѣжныи чужіи народы. Туда устремлялись дикіи кочевыи народы, якъ монголы и татары, щобы грабити нагромажене русскимъ народомъ добро, набрати „ясырь“ (въ неволю) и на широкихъ буйвыхъ русскихъ степахъ выпасати свои стада. Скорше всего страдала отъ сего полуднева Русь, — Киевская, бо тутъ и бувъ початокъ русскои государственности, тутъ

и були раньше бѣльшіи богатства и земля тутъ богатша.

Ослаблена нападами кочевыхъ народѣвъ, а также роздорами своихъ князей, полуднева Русь пѣдпала пѣдъ власть Литвы, а за симъ Польши. Русска-же государственнѣсть перенеслась на пѣвнѣчь и сохранилась тамъ въ малопрístupныхъ, лѣсистыхъ краяхъ, укрѣпляючись постепенно около Москвы.

За часѣвъ владѣнія Польши надъ полудневою Русію, сюда стремились польскіи паны и рѣжными способами захватывали громадныи пространства земель,

А все то мало на цѣли цѣлковите ополяченье краю и вѣрне закрѣпленье его за Польшею на всегда.

Русскій народъ противъ всего того, якъ мѣгъ, боронився, а пѣзнѣйше въ лицѣ своего козачества провадивъ частыи, довголѣтніи вѣйны противъ Польши

Наконецъ, пѣдъ проводомъ гетмана Богдана Хмѣльницкого, козаки освободили часть полудневои Руси и рѣшили присоединитись до Московскои Руси. щобы, будучи разомъ, успѣшнѣйше обороняти взаимно свои землі и свою свободу. Но пѣзнѣйше тую еднѣсть хотѣвъ пѣрвати и измѣнивъ русскому царю Петру Великому гетманъ Мазепа, родомъ польскій шляхтичъ. Шведы (германское племя), котрыи вели довгій войны зъ Петромъ за русскіи землі, щобы ослабити его и лекше побѣдити, пѣдговорили Мазепу и обѣцали сдѣлати его самостійнымъ княземъ,

если вѣнъ, въ часѣ ихъ вѣйны зъ Петромъ, измѣнить ему и зъ козаками стане по ихъ сторонѣ. Честолюбивый Мазепа пѣшовъ на тую приманку и дѣйствительно въ рѣшающѣй битвѣ пѣдъ Полтавою измѣнивъ Петру. Но маса козакѣвъ не пѣшла за нимъ, а осталась вѣрна Петру, чимъ помогла ему розбити шведѣвъ и спасти русскіи землі отъ нового чужого ярма - неволі.

Коли - же въ XVIII вѣпѣ Польша розпалась и майже всѣ русскіи землі, кромѣ тѣлько Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, собрались уже разомъ пѣдъ властію Россіи, то поляки першіи начали роботу надъ розъединеніемъ и ослабленіемъ русского народа, вызываючи „украинскій“ сепаратизмъ.

По роздѣлѣ Польши, Россія прійшла въ непосредне сосѣдство зъ Германією и Австрією, а обширнии, богатѣйшіи русскіи землі звернули на себе увагу нѣмцѣвъ, котрымъ ставало чимъ разъ тѣснѣйше у себе. Великими масами начали они колонизовати майже всю, но головно полудневу Россію, генъ далеко за Волгу... Но германцямъ було мало того, що російске правительство охотно отдавало имъ, где сами хотѣли, лучшіи землі для колонизации. Германскій империализмъ (стремленіе царствовать надъ всѣмъ міромъ) хитро стремився зовсѣмъ зъ часомъ завладѣти, если не всѣми тими землями, то хотя бы значною и богатѣйшою ихъ частію... И такъ бувъ плянъ еще Бисмарка (головного германского министра), всѣ землі по Днѣпръ, зъ городами Кіевомъ и Одессою вѣдорвати отъ Россіи и, пѣдъ властію Австріи утворити зъ нихъ особне княжество, где для нѣмцѣвъ, конечно, бувъ-бы обѣтованный рай.

Германія и Австрія понимали, що для того прийдеся имъ вести тяжкую боротьбу — вѣйну зъ русскимъ народомъ и тѣлько побѣдивши его, змогутъ добитись своєї цѣли. Но они тоже добре розумѣли, що якъ довго mezi всѣми русскими племенами буде єдність и згода, якъ довго они будуть чувствовати и признавати себе однимъ народомъ, такъ довго они, нѣмцѣ, не змогутъ ничого добитись, бо не устояти имъ противъ всеї великой русской силы. И для того хитро и скрыто взялись нѣмцѣ на способы, чтобы вызвати роздоры и боротьбу mezi русскими племенами и ослабити ихъ власными своими руками. А тогды легче буде нѣмцямъ справитись зъ русскимъ народомъ, где-бы вѣнъ не живъ, и добитись своєї цѣли.

Вся хитрѣсть полягала въ тѣмъ, чтобы указуячи на где-якѣ рѣжницѣ mezi малорусскимъ и великорусскимъ племенемъ, внушити (вмовити) малоруссамъ, що они суть отдѣльнымъ народомъ отъ великоруссѣвъ, що имъ выгуднѣйше буде отдѣлитися отъ нихъ и утворити осѣбну, самостійну державу. Въ той цѣли потреба було змѣнити и назву того нового народа и его будущей самостійной державы: выкинути и затерти его природну историчну назву русской, русинъ, Русь. На мѣсце того начала вводиться для всего малорусского племени назва „украинскій“, „Украина“.

„Украиной“ начала называтись еще за часѣвъ Польши тѣлько часть русской земли, т. е. часть малоруссами занимаемой землѣ, котра лежала на краю (у краю, на границѣ) Польши и така назва може пѣдходити, и теперъ пѣдходить, тѣлько для земель Кіевской, Полтавской, Харьковской та части Черниговской и Екатери-

пославской губерній. Но словомъ „Украина“ никогда не назывались ни Подолье, ни Волынь, ни Холмщина, а тимъ меньше, Галицка, Буковинска и Угорска Русь.

Но и теперѣшна правдива Украина, т. е. Кіевщина, Полтавщина и др., въ старину и всегда, назывались тѣлько русскою землею, Русью. Таже въ Кіевѣ володѣли первыи русскіи князьи, изъ Кіева пѣшла русска государственнѣсть и русска вѣра по всей Руси, изъ Кіева ишло русске письменство, русске просвѣщеніе по всѣхъ русскихъ земляхъ, а также и пѣвнчныхъ!

Кіевъ назывався „матерію русскихъ городовъ“.

Назва „Украина“, „украинскій“, есть отже тѣлько пѣзнѣйша и тѣлько мѣсцева назва, якъ на прим. сказати у насъ: лемковщина, гуцульщина, або холмщина, подольщина. „Украина“ же есть тѣлько частью русскихъ земель и она намъ тоже такъ дорога, якъ и другіи назвы нашихъ земель. Она дорога намъ еще и тимъ, що тамъ надъ Днѣпромъ зародилось когда-то и воювало славне козачество, выступавшее въ оборонѣ своего поневоленого народа и его православной вѣры. Но слова тіи, — „Украина“, „украинскій“, не могутъ бути назвою для всѣхъ полудневыхъ и захѣдныхъ русскихъ земель, для всего малорусского племени. Бо и якъ же называти цѣлый великій край, цѣлый великій народъ назвою „Украина“, „украинскій“, котра не означае цѣлости, а тѣлько якусь часть, що лежитъ на краю, або у краю бѣльшого краю, або государства, до котрого належить. Не отповѣдна и не достойна то назва для цѣлого народа!

Для вороговъ - же русскаго народа, то неважно. А важна имъ ихъ цѣль, чтобы розъединити русскій народъ, вызвати межи нимъ взаимну борьбу и ненависть, а тимъ его ослабити и собѣ покорити. На жаль и несчастье они нашли середъ нашего народа заслѣпленыхъ, честолюбивыхъ, а то и корыстолюбивыхъ людей, котрыи пѣшли за ихъ приманкою, якъ коли-то Мазепа, и начали отказоватись отъ имени Русь, русскій, русинъ и пѣшли на завязу борьбу противъ своихъ рѣдныхъ братьевъ, а тимъ и противъ интересѡвъ своего рѣднаго народа.

За той хитрый способъ розбитя русскаго народа, первыми взялись и показали его нѣмцямъ поляки.

Послѣ роздѣла Польши, наибѡльша часть ей просторони, бо кромѣ Варшавскаго княжества, также бѡльша часть западныхъ русскихъ земель, бывшихъ пѣдъ Польшею, припала Россіи, и для того нослѣднюю уважали поляки наибѡльшимъ своимъ врагомъ. А понеже николи не тратили они вѣры въ отбудованье Польши, а дорогу, ведущую ихъ до того, видѣли тѡлько въ будущѡй вѡйнѣ зъ Россією, — то значить, потреба имъ было старатись всѣми способами ослаблявати Россію. Но понеже головне ядро Россіи творивъ русскій народъ, а его головну силу давало ему его единство, — то значить, потреба было имъ старатись розбити тое единство, заварити роздоры, ненависть и борьбу середъ самого русскаго народа, а тимъ самимъ ослабити его, а то еще и якую-то его часть притягнути просто до помочи на свою сторону.

И такъ поляки всякими способами, будили и пѣддерживали „у насъ англійске самостійництво“ т. е.

отдѣленье Малороссіи отъ Великороссіи. Галицкій намѣстникъ, графъ Голуховскій писавъ въ однѣмъ урядовѣмъ документѣ до Вѣдня: „Потреба и мусится доконче зробити рѣжницю mezi языкомъ и письмомъ галицкихъ Малоруссѣвъ и Русскихъ въ Россіи.“ Зъ тихъ слѣвъ видно отже, що рѣжницѣ не було, если такую рѣжницю треба було доперва робити. А польскій генераль Мѣрославскій, послѣ неудавшогося повстаня, открыто писавъ: *Rzućmy gorące pochodnie i bomby za Dniepr i Don w same serce Rusi; wzniećmy niezgodę i nienawiść wśród ruskiego narodu. Rusini sami swoimi raturami szarpać się będą, a my tymczasem wzrośnięmy i wzmocnimy się* “

Привити-же и накинуги галицкимъ русинамъ назву „украинскій.“ „украинець“ не такъ то легко було, и стоило Австрію и другихъ нашихъ недругѣвъ много труда, часу и заходѣвъ

Уже въ 1848 году потребовала она черезъ своего намѣстника Стадіона, чтобы мы галичане не называли себе русскими, повѣмецки *russisch*, а только рутенами - *Ruthenen, ruthenisch*; о назвѣ-же для насъ „украинець“, „украинскій“ не могло еще тогда бути навѣтъ думки. Но зъ часомъ австрійско-польска школа, а наконецъ и военныи перевороты доконали и тое. Но навѣтъ нѣкоторые наши „украинскіи“ проводырѣ признають теперь, що тая назва для насъ не тѣлько не пѣходяща, но неудачна и несчастна.

Легче и скорше удалось замѣнити фонетикою этимологичный способъ писаня, яко указующій на еднѣсть языка. Помимо сильного протеста галицко-русского населеня, австрійске правительство просто приказало (зъ 1892 года) ввести фонетику во всѣхъ школахъ. Тимъ способомъ именно

малося ввиду показати, що галицкій языкъ, на якѡмъ учать въ галицкихъ школахъ, не есть русскій, бо вѡнъ мае отмѣнну правопись, слова въ немъ отмѣнно пишутся и виговорюются якъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Зъ другой стороны обучаючи молодѣжь въ школахъ только фонетичного правописанія, отчужовалось ей отъ общерусской книжки и литературы, а также утруднялось и читанье церковныхъ книгъ. Тимъ способомъ австрійцѣ желали затерти постепенно у галичанъ сознаніе ихъ родства зъ остальнымъ русскимъ народомъ и легче привити имъ стремленья до сепаратизму, самостійности. Австрія дуже боялась, що зъ часомъ она може потерять Галичину, а зъ другой стороны она мала великій апетитъ и на другіи русскіи землі, що найменше до Днѣпра. Длѣтого-то, послѣдніи десятилѣтія до войны и въ часѣ самой войны, она всѣми мѣрами пѡддержовала украинскій сепаратизмъ.

Если фонетика сама по собѣ ничего страшного и шкодливого не представляе, а при нормальныхъ условіяхъ житья якогось народа допускаея, а навѣтъ и конечна есть для отзначеня мѣсцевыхъ народныхъ говорѡвъ отъ общепринятаго книжного языка, то для Галицкой Руси насильственне введенье фонетики, именно, представляло и представляе велику опаснѡсть (небезпеченство) и громадну шкоду. Фонетика галицкихъ школъ утрудняе своимъ выхованкамъ, а нашимъ дѣтямъ читанья книжокъ на русскѡмъ литературномъ языкѣ; она майже закрывае имъ доступъ до богатой русской литературы и науки, созданныхъ общими силами всѣхъ русскихъ племенъ.

Правда, въ Россіи на Украинѣ уживалась фонетика зъ давнихъ поръ, въ народныхъ тво-

рахъ для отзначеня именно мѣсцевыхъ говорѣвъ; но тамъ фонетика той шкоды, якъ въ Галичинѣ, не могла мати, бо тамъ всюда въ школахъ учили и учать общерусского книжного языка.

Но въ началѣ російской революціи мѣнѣстеръ просвѣщенія російского правительства Мануйловъ (зѣ ормянъ) запровадивъ также и въ русскомъ книжномъ языкѣ почасті фонетику, выкинувши зовсѣмъ букву ъ. Совѣтске правительство пошло еще дальше въ тихъ змѣнахъ и приказало ввести ихъ всюда по школахъ. Однако и тутъ тая мѣра була не обдуманна и не потрібна, а безусловно шкодлива, бо вводитъ рѣжницю въ способъ писаня и выговорюваня отдѣльными русскими племенами.

Професоръ Г. Вернадскій по тому поводу пише:†) „старая орфографія (этимологичный способъ писаня *), . . . есть символъ (признакъ *) единства русской письменной (и печатной) культуры. Въ этомъ ея большое значеніе и, хотя бы ради этого, ее нужно отстаивать (боронити *). Старая орфографія худо-ли, хорошо-ли — приспособлена была языковою практикою различныхъ нарѣчій и діалектовъ русского языка. Новая орфографія рѣзко нарушаетъ равновѣсіе. Она приспособлена лишь къ великорусскимъ говорамъ, но и далеко не ко всѣмъ. По этому новое правописание не можетъ быть собственно названо русскимъ правописаниемъ, а лишь отчасти великорусскимъ. Съ введеніемъ нового правописанія малоруссы (украинцы) получаютъ новыя — и серьезныя — основанія къ тому, чтобы указывать, что русская графика (способъ

†) „Русская Мысль“, 1923 г., кн. VI — VIII

*) Слова въ скобкахъ, и отмѣченные значкомъ *, якъ тутъ такъ и дальше, означаютъ наши поясненя.

писаня*) къ нимъ не подходитъ.“ А дальше говоритъ вѣнъ, що тутъ „за невинными перемѣнами буквъ скрываются большія опасности“, и все то наводитъ на мысль „о чѣмъ-то тайномъ замыслѣ противъ единства русской культуры“.

Видимо отже, що хитрыи ворожіи замыслы противъ національного и культурного единства русского народа не уставали зъ давнихъ часѣвъ, начинаючи зъ шведѣвъ, за часѣвъ Мазепы, и особенно сильно выросли они въ часѣ послѣдней войны. Всѣмъ намъ еще свѣжо въ памяти, чогото не придумовали нѣмцѣ, щобы розложити руску армію, вызвати въ Россіи революцію и национальный сепаратизмъ, а въ особенности „украинскій“.

Знаемъ, що германцѣ и австрійцѣ собирали у себе военноплѣнныхъ малоруссѣвъ въ особныи лагерѣ, где ихъ обучали и вмовляли въ нихъ, що они не рускіи, а належать до особного „украинского“ народа, котрый повиненъ мати свою особну державу. Такихъ военноплѣнныхъ они лучше кормили въ лягерахъ, одѣвали ихъ въ особныи униформы а выучивши на агитарѣвъ, отправляли ихъ въ Россію. Германцѣ и австрійцѣ всякими способами помагали создавати сомостійную Украину и пѣддержовали ей, якъ при Центральной Радѣ, такъ и при гетманѣ Скоропатскомъ.

Но и въ будущѣмъ нѣмцѣ не откажутся отъ того рода работы. И такъ, навѣтъ уже послѣ послѣдней войны и розгрома Германіи, въ учредительномъ (уставодавчомъ) германскомъ собраніи министръ Эрцбергеръ открыто и ясно заявилъ †):

†) Кн. А. М. Волконскій — „Историческая правда и украинофильская провагавда“. Стр. 130.

„Русскій вопросъ является ничѣмъ инымъ, какъ частію большого спора, который нѣмцы ведутъ съ англичанами въ цѣляхъ господства (панованя *) надъ міромъ. Намъ (нѣмцямъ *) нужны Литва и Украина, которыя должны быть аванпостами (передовыми сторожами *) Германіи. Польша должна быть ослаблена. Если и Польша будетъ въ нашихъ рукахъ, то мы закроемъ всѣ пути (дороги *) въ Россію и она будетъ принадлежать намъ. Для кого не ясно, что только на этомъ пути лежитъ будущность Германіи“.

И такъ по думцѣ Эрцбергера и всѣхъ германцѣвъ для „будущности Германіи“ конечно естъ потрібный украинскій сепаратизмъ.

Такъ само и полякамъ.

Вотъ що пише нашъ галицкій „украинець“ А. Камѣнскій, котрый въ своей брошурѣ, „Галиччина Піємонт“, тверезо и реально розбирае и освѣтляе русско-украинскій вопросъ. „Въ сепаратизмі України“, говорить вѣнъ, „заинтересованій головно польскій элемент Правобічної України (по праву сторону Днѣпра*). І се головні піонери (агитаторы*) украинского визволення Се видається трохи дивним, але так воно є. Правобічні поляки чувствуютъ, розуміють, що Польша аж до Дніпра й Чорного моря не можлива. Еслиб на Правобіччу хотіли хоч зда- лека будувати Польшу, скріпилиб тільки анти-польські (противопольскіи*) тенденції (настро- енья*). Вони стараються тому всіми силами буду- вати Україну, роблячись українськими патріотами. Вони знають, що українська держава утвердилаб позицію і забезпечила би існування Польщі.

Українська держава мусіла би купатись у всіх інтригах (хитростях*) і підлягати їм, щоби устоятись проти Росії“...

А въ другомъ мѣсцѣ Камѣнскій говорить: „...хто в даних обставинах бажає будувати Україну поза межами Росії, той буде не Україну а Польщу“. — Ми же скажемъ отъ себе, вповнѣ сознаючи и ясно видячи тое, що всяке будованье „Украины“, Украины въ новѣмъ пониманью, а особливо въ національнѣмъ и культурнѣмъ отношенью, есть руйнованьемъ Руси, ослаблюваньемъ русскаго народа во всей его цѣлости, а тимъ самымъ и Украины, що нашимъ недругамъ тѣлько желателно. А буде то именно зъ выгодою и корыстію не тѣлько для Польщи, но головно для Германіи и другихъ сосѣдѣвъ, желающихъ поживитись необъятными просторами и богатствами Русской Землі. —

Всѣ дотеперѣшніи ворожіи замысли, а также слѣпота и легковѣрнѣсть, а то и явная измѣна своихъ сынѣвъ и проводирѣвъ, причинили уже русскому народу много несчастья и горя, стоили его всегда громаднихъ жертвъ, жертвъ крови и майна. Особенно громадныи жертвы и убытки матеріальныи и культурныи понѣсь и все еще несе галицко-русскій народъ.

Но и вороги русскаго народа не добились еще окончательно своей цѣли, а по бѣльшой части сами розбивали свои головы, просто о природный инстинктъ (чутье) русскихъ народныхъ масъ. Въ послѣдній моментъ, коли уже, грѣзна опаснѣсть звалювалась на шею, они прозрѣвали, оставляли своихъ заслѣпленыхъ проводирѣвъ, измѣнявшихъ національнымъ чувствамъ народа

и его исторіи и вступали дальше на природну, историчну, правильну дорогу. —

4. Стіймо на сторожѣ и берімъ примѣръ зъ другихъ народѣвъ.

Но вороги русскаго народа еще не перевелись и дальше продумуютъ якъ-бы то его ослабити, выкорыстати и посѣсти его богатства. А русскій народъ еще не окрѣпъ умственно и сознаниемъ; вѣнъ якъ-бы дитина, котра легко вѣритъ всякому, даеся обманювати, не розбираеся въ чужихъ хитростяхъ, любить заводити межи собою споры и роздоры и повторяе частѣйше однѣи и тѣже ошибки. Слѣдуе однако надѣятись и вѣрити, що молодой и сильный русскій организмъ вынесе ще не одинъ тяжкій ворожій ударъ и замыслъ; но въ концѣ русскій народъ прійде до полного сознанія, положитъ конецъ всѣмъ постороннимъ впливамъ и нашептованямъ и буде самъ рѣшати о своей судьбѣ, якъ прикаже ему его сердце и здоровый розумъ.

А сердце и розумъ могутъ намъ сказати только одно: що свѣтлая будучнѣсть русскаго народа, его сила, добро и счастье и спасеніе его отдѣльныхъ племенъ отъ погибели — только въ его единствѣ, особенно въ единствѣ національнѣмъ и культурнѣмъ. Если даже одно, або друге русское племя вынуждене тяжелой судьбой жити отдѣльно отъ всей масы русскаго народа, то, если оно буде признаватись въ національнѣмъ и культурнѣмъ отношеню однимъ, ему ничего боятись о свою будучнѣсть.

Наилучшимъ примѣромъ служатъ намъ тутъ нѣмцѣ и жида. Межи нѣмцями есть тоже различ-

ныи племена, котрыи и рѣжно себе называютъ и зѣ давнихъ часѣвъ жили навѣтъ въ отдѣльныхъ своихъ державахъ (княжествахъ, королевствахъ), якъ австрійцѣ, тирольцѣ, баварцѣ, швейцарцѣ, саксы, прусы и другіи; но всѣ они уважали себе всегда однимъ нѣмецкимъ народомъ, признавали своимъ тѣлько одинъ книжный языкъ, хотя у себе дома говорятъ на отчѣнныхъ мовахъ.

И для того то нѣмцѣ добились такой великой силы, що въ послѣднѣй вѣйнѣ майже весь свѣтъ не могъ ихъ такъ легко поконати. Нѣмецка же культура, нѣмецка наука достигли найвысшой степени межи всѣми народами. А до всего того дѣйшли нѣмцѣ черезъ свое національне и культурне единство.

Жида же, хотя уже отъ вѣковъ розпорошеніи по всѣмъ свѣтѣ межи рѣжными народами и своей власной державы не мають, то все-же мають они дуже велику силу и майже трясутъ всѣмъ свѣтомъ и правятъ надъ другими народами.

А що-же дало имъ тую силу? Тѣлько одно то, що всѣ они, где-бы не жили и на якихъ чужихъ языкахъ не говорили, всегда и всюда признають себе тѣлько жидами, придерживуются всегда одного своего старого закона и молятся на однѣмъ своемъ книжнѣмъ (библейскѣмъ) языкѣ. Все то дае имъ ихъ единство; оно же дае имъ велику культуру и матеріальну силу.

А почему-же мы русины маемъ цуратися своей старины, своей исторіи, своей назвы, своего національного единства, своего, уже столѣтіями выробленого книжного языка и всеи нашей культуры?! Почему одно руске племя мае цуратися другого, заводити взаимныи споры и ненавидѣти себе взаимно?!

Только одно заслѣпленье, только нерозумъ могутъ вести насъ до того, на несчастье и погибель собѣ, а на радѣсть нашимъ врагамъ !

Хто уважно вдумаеся во все тое, то пойме що оно иначе бути не може. Въ теперѣшніи часы, часы пары, телеграфа и аэропланѣвъ, все на свѣтѣ чимъ разъ бѣльше объединяеся, а не дѣлится, не дробится. При теперѣшнихъ господарскихъ, экономичныхъ и культурныхъ отношеніяхъ, дрѣбныи и малыи единицѣ, якъ державныи, такъ и другіи не могутъ удержатися и розвиватися належито сами въсобѣ, а мусять лучитися въ бѣлшии объединенія, хотя и при широкой автономіи.

Що же касаеся земель занимаемыхъ всѣмъ русскимъ народомъ, то уже ихъ пророда показуе, що межии ними нема ніякихъ природныхъ границъ. Всѣ они составляютъ якъ бы одну господарску цѣлость. Вся русска земля то одна майже сплошна рѣвнина, то степове море, воды которого, внутрѣ, не знаютъ границъ и перегородъ; если-же послѣдніи штучно ставляться, то они не довговѣчнѣи и море насмѣхаеся надъ ними.

Такъ и межии русскими племенами, походящими зъ одного кореня—роду, не було и нема особливыхъ рѣжницъ. Ихъ житье-бутье, вся ихъ исторія и культура, ихъ свѣтлыи и тяжкіи часы, були всегда и остаются тѣсно звязанѣи зъ собою.

Сама отже природа русской земли, неуклонныи требованья господарскіи и экономичныи и вся наша исторія и культура указуютъ намъ, що добро и лучша будущнѣсть всѣхъ русскихъ племенъ только въ ихъ единствѣ.

Сознаючи тое и стоячи на той почвѣ, всѣ они повинны избѣгати всего, що ихъ може розъединяти, рѣжнити межи собою, яко одною родиною.

Этимологична правопись, якъ-то було доказано выше и есть именно однимъ зъ тихъ признаковъ, котрый указаетъ бѣльше наглядно на единство общерусского языка для всѣхъ русскихъ племенъ, и удерживаетъ тое единство.

Фонетика-же вводитъ уже рѣжницъ въ способъ писаня и для того то именно фонетика и была насильно заведена Австрією въ галицкихъ школахъ, чтобы насъ порѣжнити и затруднити намъ галичанамъ доступъ до богатой общерусской письменности (культуры).

Для того то и теперѣшняя Польша не допускаетъ русскихъ школъ и не признаетъ у себя правъ гражданства для общерусского литературного языка, а провадитъ дальше политику старой Австріи. —

Беручи пѣдъ увагу географичне положенъе и природу русской земли, знаючи, нашу минувшѣсть, разбираючись ясно въ теперѣшнихъ нашихъ и свѣтовыхъ обставинахъ и маючи передъ собою хорошии примѣры на другихъ великихъ культурныхъ народахъ, каждый зъ насъ повиненъ прійти до перекопанья, що всякое розъединенъе, всякое отъѣлюванъе, всякое замостійництво въ рускѣмъ народѣ ведетъ его до ослабленья въ его цѣлости, а отдѣляющіися части (племена) кидаетъ въ объятя вороговъ, на ихъ милѣсть и немилѣсть. Противно же, объединенъе, головно національне и культурне, хотя при сохраненію племенныхъ особенностей, дастъ намъ силу, дастъ лучшу будущнѣсть.

По тому поводу кто то правильно сказавъ: †) „Въ спайкѣ (полученью*) цѣлого — условіе процвѣтанія частей. Бѣда цѣлому, — если оно это не пойметъ; горе части, если она это непризнаетъ“.

И для того въ интересѣ каждого русского племени стояти сознательно, стояти дружно, крѣпко и непоколебимо на сторожѣ единства русской націи!

* * *

Все выше сказане, найже^{*} буде заразомъ вѣтповѣдію, для тихъ котрыи не могутъ, а лучше сказать, не хотятъ поняти, для чого напр. общество им. М. Качковского и др. придерживуются „традиційной правописи“ (т. е. этимологіи) и не выкидаютъ, якъ то они пѣдсмѣхаются, „святыхъ буквѣ“.

Если у насъ не повинно бути ничого святого а все прійшло-бы брати тѣлько зъ точки до часной матеріальной выгоды, то тогда пришло-бы оправдати всѣхъ нашихъ бояръ, котрыи, въ старину для почести и матеріальныхъ благъ, покинули свѣй народъ и перейшли въ чужій таборъ; ничого удивлятись тогда и нашему старому мѣщанству, котре ополячилось; ничого удивлятись и теперь многимъ нашимъ людямъ, котрыи для хлѣба оставляютъ свою церковь и свѣй народъ, или за ковбасу та чарку, дрова та пасовиска отдаютъ при выборахъ свои голоса на чужихъ, ворожихъ русскому народу людей.

Правда, изъ нашихъ шкѣлъ, по приказу еще австрійского правительства, уже давно выкинутіи тѣи „святые буквы“. Но для выучившихся

†) Газ. „Руль“ № 1138 съ 1924 года, въ статьѣ „Национальный вопросъ“.

читати, хотя бы фонетикою, не такъ уже трудно выучити еще двѣ — три буквы, именно тѣи „святѣи“, тимъ больше, що всякій грамотный нашъ чоловѣкъ повиненъ умѣти читати и всѣ церковныи книги, въ котрыхъ еще всѣ буквы находятся.

Найже намъ и тутъ послужатъ примѣромъ высококультурныи народы, якъ нѣмцѣ, французы, англичане и другіи. Они не вводятъ у себе въ своемъ литературномъ языкѣ фонетики, а придерживаются этимологіи, хотя слова у нихъ иначе пишутся, а зовсѣмъ иначе выговоряются, бо навѣтъ кѣлька буквъ вымавляются разомъ якъ одна. Такъ на примѣръ у англичанъ пишется: Shakespeare, а выговоряется: Szekəpɪr, або пишется: Furniture, а читается Fɔrnɪtʃə; пишется Hughes, а читается Hjuːz. У французѣвъ же пишется: Bordeaux, а читается Bɔrdɔ и т. д. Нѣмцѣ на означеніе одного и того самого звука, а на всякій случай дуже подобныхъ до себе звукѣвъ, мають рѣжныи буквы; такъ на примѣръ для звука i, мають буквы: i, ie, и ii, а на звукъ e, мають буквы e, ä и ö.

Поляки тоже придерживаются этимологіи въ своемъ литературномъ языкѣ и такъ слова: buk (букъ) и bóg (богъ) выговоряють они одинаково як buk, но пишутъ отмѣнно, бо сразу видно имъ тогда, що слово buk означае дерево, а слово bóg — Бога; а при дальшихъ отмѣнахъ тихъ словъ говорится уже buka, boga и т. д.

Выучити нашу дитину писати этимологією, не до порѣвнаня лекше, якъ то есть у нѣмцѣвъ, французѣвъ и особенно у англичанъ; а все-же они придерживаются, въ школахъ и всюды, тѣлько

этимологіи, бо того потребує інтересъ ихъ націи и единства языка и величіе ихъ культуры.

А що наша „традиційна“ правопись не приносила уцербу нашимъ людямъ, то видимо найлучше зъ того, що люди зъ такъ званыхъ „русскихъ“ сель, где читались головно изданія Общества им. Михаила Качковскаго и др., печатанныи этимологією, въ послѣдней борьбѣ за свободу нашей отчины, показали себе въ многихъ случаяхъ высшими, бѣльше развитыми и зъ бѣльшимъ сознаніемъ патріотичнаго долга, якъ люди зъ „украинскихъ“ сель, — що признають и сами „украинцѣ“.

Чимъ бѣльше чоловѣкъ учится, тимъ бѣльше розвиваеся и пѣдносится духовно.

И такъ говорячи о новомъ способѣ писаня (фонетицѣ), введенѣмъ теперъ въ Совѣтской Россіи, профессоръ В. Кульманъ пише †): „Правописаніе (розумѣея старе *) — часть нашей культуры, неотъемлемая часть нашей литературной исторіи“... И дальше продовжае: „Новое русское правописаніе русскими дѣтьми нѣкоторой части Россіи можетъ бытъ усвоено (выучено *) легче, чѣмъ старое, но пусть (най же*) не увлекаются мыслью объ этомъ. Облегченіе ученія само по себѣ еще не идеаль, и опрощеніе ученія только понижаеъ общій уровень (степень*) тѣхъ, которые способны къ высшей духовной культурѣ“.

Но до одной и той-же цѣли могутъ вести рѣжныи дороги...

Вся наша бѣда именно въ тѣмъ, що мы русины дуже скоро и легко миримся зѣ всякою

†) „Русская Мысль“, 1923 г., кн. VI—VIII.

пакостію, яку бы намъ кто не зробивъ, а навѣтъ принимаемъ ей за добродѣйство.

Не гасімъ отже свѣтильникѡвъ нашего прошлаго, не затираймо власными руками признакѡвъ нашего племенного русского единства, не тушімъ народного духа, а поддерживаймо и крѣпимъ его, щобы выдержати до кѡнца и дождатись лучшого будущего!

Зъ одними тѡлько идеалами жолудка, довго не уйдемъ и далеко не зайдемъ!..

У кого зъ нами одна цѣль, — служеніе народной идеи, и народному добру, — кто зъ нами одного духа, но подобаея ему бѡльше фонетика, або думае, що нею, при зложившихся у насъ обстоятельствахъ, може принести бѡльше пользы, — най пише фонетикою. Но най не думае, що то одна правильна дорога и най легкомысленно не плюе на то, що намъ, если уже не святе, то все таки дороге. Именно тѣи „святѣи буквы“ и сохраняли столѣтїями единство русского языка; они то для того и були солію въ очахъ ворогѡвъ русского народа и були намъ — галичанамъ насильно выкиненѣ зѡ шкѡлъ.

* * *

Най не буде мѣсця, середъ русскихъ племенъ, сынамъ безумїя, легкомыслїя, ложного честолюбїя, продажности и фальсификаторамъ нашей исторїи, — най не даются зводити зъ единой, но широкой: природной и исторической дороги, — а ожидае ихъ свѣтлая будущнѡсть и не страшень имъ нїякій ворогъ!
